

Ф.Н. Рянский
ИКАРП ДВО РАН, г. Биробиджан

В окружающем нас мире "...обязательно остается что-то, неизвестное, не сосчитанное, неучтенное. Мы уверены, что видим то, что есть, в действительности всегда есть, что-то еще, чего мы не видим..."

В. Цветов. "Пятнадцатый камень Сада Реандзи", Хабаров. кн. изд-во, 1990. – С. 7.

Дальний Восток России в границах ассоциации экономического сотрудничества краев и областей Дальнего Востока и Забайкалья России включает с запада Бурятию, Читинскую область и Саха (Якутия). С общесистемных позиций необходимо отметить весьма различную силу центростремительных связей внутри этого достаточно "рыхлого" образования. Так, Бурятия, Читинская область и Саха (Якутия) одинаково принадлежат и Сибири, отвечая всем признакам пограничных территорий. Таким образом в нашем анализе они присутствуют лишь частично, отдельными аспектами.

40,9% территории России и 40% ее природных ресурсов (биологических, минеральных прежде всего) в границах ДВР - не достаточный экономико-географический аргумент, чтобы говорить о некоем "богатстве", ближних или среднесрочных перспективах. К перечисленному необходимо также добавить:

а) не менее 40 миллионов населения (вместо 7 млн. человек нынешнего) примерно с 20 миллионами соответствующего квалифицированного трудоспособного персонала;

б) информационную базу данных о территории международного уровня;

в) развитую инфраструктуру – транспортную, энергетическую, коммуникационную, жилищно-коммунальную, научно-образовательную и т.д.;

г) развитую независимую продовольственную базу с опорой на местные ресурсы;

д) развитую систему безопасности – от природных катастроф и до социальных потрясений, противокриминальную, государственную (от сохранения конституционной политической системы на всех уровнях до охраны государственных границ).

Реальный стратегический прогноз региона с геополитических и геоэкономических позиций возможен только на фоне конкретного анализа новейшей ситуации в России и мире и требует постоянных поправок в режиме реального времени.

РОССИЯ. Сейчас, в конце 90-х годов, более отчетливо видны социальные и экономические последствия ошибок, допущенных за годы коммунистического правления в России.

К началу 90-х основу ее экономики составляли технологии 50-60-х годов, которые характеризовались избыточным потреблением энергии, топлива, материалов и труда. Современные технологии распространялись в основном в секторе военно-промышленного комплекса (ВПК).

Принятая в стране идеологизированная система экономических ценностей нивелировала негативные результаты технологической разноукладности. Поэтому цены не являлись ориентирами в выборе эффективных направлений технического и технологического прогресса, в развитии реальных секторов экономики.

В сопоставимых мировых ценах ядро российской промышленности составляли не машиностроение

(20%), а сырьевые отрасли и прежде всего топливно-энергетический комплекс (ТЭК), на который приходилось 40% общего объема промышленного производства. При этом 2/3 объема машиностроения составляли предприятия ВПК. Доход от сырьевых отраслей и ТЭКа в значительной мере потреблялся в тех же отраслях. Причинами этого являлись заниженные цены на топливо и сырье и завышенные - на продукцию обрабатывающей промышленности.

С начала коренных посткоммунистических перемен в России в 1990-91 гг. и до конца 1994 г., т.е. за пять лет, объем промышленного производства сократился почти вдвое. В структуре промышленного производства доля машиностроения и металлообработки сократилась на треть, а топливно-энергетического комплекса увеличилась в 1,6 раза. Вдвое уменьшилась доля производств, непосредственно обслуживающих человека, например, легкой промышленности. Структурные перекосы в экономике, стагнация и медленное отставание от мировых тенденций сменились катастрофическим структурным разрушением как сектора высоких технологий, так и отечественных отраслей, производящих товары массового спроса.

Немедленным итогом этого стала импортизация внутреннего рынка. Резкое преобладание импорта над экспортом привело к нехватке валюты и устойчивому снижению курса рубля по отношению к мировым свободно конвертируемым валютам. Постоянным стал рост цен, в том числе на жизненно необходимые товары, и галопирующая инфляция. Для лечения большой коммунистической, предельно централизованной и идеологизированной экономики было выбрано лекарство – скорая и очень дешевая совершенно непродуманная распродажа ("сейшн") – приватизация всего отечественного производства и имущества, полная либерализация цен, открытый внутренний рынок, бесконтрольный перелив валюты за рубеж и т.д.

Эксперты (1995), проанализировав несомненные ошибки младореформаторов (Т. Гайдар, А. Чубайс и др.), пришли к выводу, что необходима была обоснованная, структурно направленная и поэтапная политика перевода такой крупномасштабной, но разнотехнологичной российской экономики на мировые цены. Начинать реформы надо было с либерализации цен на энергоносители, с одновременным переходом на новую систему налогообложения, таможенных тарифов и целевых дотаций в отрасли массового спроса, прежде всего на их технологическую модернизацию на базе обновленного отечественного машиностроения.

Второй этап реформирования с 1994 по 1997 – начало 1998 гг. связан с именем В.С. Черномырдина. Был взят курс на снижение размера инфляции и стабилизацию курса рубля, однако достигалось это прежде всего за счет уменьшения бюджетных расходов, а доходную часть предполагалось увеличить за счет выпуска государственных облигаций (ГКО), "нефтегазовой трубы" и увеличения собираемости налогов, прежде всего с тех, кто хоть что-нибудь зарабатывал, с "нового" среднего класса. Инфляция действительно снизилась к середине 1997 г. Стабилизировался на невысокой отметке курс рубля к доллару (6:1). Одновременным итогом стало дальнейшее свертывание производства, падение выпуска продукции, взаимные неплатежи предприятий, лишенных оборотных средств, госзаказа или из-за нео-

платы государством выполняемых работ. Увеличилась безработица, постоянным фактором стала скрытая безработица миллионов людей в "российском варианте" – трудящиеся продолжают работать, но бесплатно, или же числятся в бессрочном неоплачиваемом отпуске на неработающем производстве. Перебои или отсутствие заработной платы привели к резкому снижению жизненного уровня трудящихся, усилилась социальная напряженность, в 1997-98 гг. начались акты неповиновения, "рельсовая война", сидение шахтеров около Белого дома, голодовки, массовые демонстрации во многих уголках России.

Весь этот социальный негатив существенно перекрыл выигрыш от снижения инфляции. Прогнозные расчеты, сделанные в 1994 г., показали, что при сокращении уровня государственных расходов в два раза инфляция снижается на 7,5%, дефицит государственного бюджета на 5%, но при этом объем производства падает на 23% со всеми вытекающими социальными последствиями.

19 августа 1998 г. государство должно было начать многомиллиардно-долларовые выплаты процентов по зарубежным займам и кредитам. Невозможность обеспечить одновременно выплату и внешних, и внутренних (регионам, предприятиям, гражданам) долгов, видимо, заставило президента в апреле 1998 г. сместить В.С. Черномырдина и его кабинет. Молодая команда во главе с А.В. Кириенко, не имея достаточного политического опыта и общественно-политического доверия, в условиях жесточайшего дефицита времени, приняла радикальное, не взвешенное, скорее популистское, лежащее на поверхности решение, отложив плату по внешним срочным долгам. Это давало новому правительству не более чем трехмесячную передышку, с последующим кризисом уже в условиях русской зимы, при отсутствии северного и дальневосточного завоза и т.д.

Масштаб обвала финансовой системы страны после 17 августа 1998 г., вряд ли прогнозировавшийся правительством Кириенко, показал крайнюю неустойчивость сложившейся финансовой, экономической и политической системы, раздираемой внутренними распрями, в условиях проявившейся в 1998 г. слабости президентской власти. Экономика страны, по мнению многих экспертов, оказалась отброшена к состоянию на декабрь 1994 г.

Япония стала великой экономической державой потому, что ее правящая элита не только поняла (это хрестоматийно), но и использовала тезис о первостепенной роли труда осмысленного, квалифицированного, соединенного с этикой, т.е. стержнем "устойчивого развития" стал "человеческий фактор".

В российском государственном организме не осталось ни одного стабильного компонента, все стало подвижным, плавающим. Система достигла максимума неустойчивости, как весной лавины в горах. Такой же хаос царит и в головах у россиян. Никому не верят и верят всему. И элита и народ потеряли ориентиры: куда идем, что строим? Президенту, всем ветвям государственной власти на всех уровнях не на кого и не на что (в смысле капиталопроизводящей собственности) опереться.

Сформулированная ситуация привела к простой цепочке действий и событий: неожиданные апрельские решения (1998) Б.Н. Ельцина о смене кабинета, затянущееся (из добрых намерений, которыми вымощена дорога в ад) формирование; спешное решение молодого кабинета от 17 августа в условиях дефицита времени, за два дня до начала выплаты процентов по внешним долгам, равным всему, что было на этот час в госказне; попытка решить горячие социальные проблемы за счет невыплаты внешних заимствований (ла-

тание "тришкиного кафтана"). И вот вам финансовый кризис, "обвал в горах", динамичный и саморегулирующийся процесс, остановить который не может никто.

Как предварительное условие, необходимо восстановить доверие к властям, к правительству и Центробанку в первую очередь, создать "островки", а затем и "архипелаги" стабильности в реальном секторе экономики (промышленном, сельскохозяйственном, транспортном, связи и т.д.), стабилизировать ситуацию с продовольствием, теплом и электроэнергией, учитывая наступившую русскую зиму. Укрепить и защитить финансовые звенья, по которым финансирование должно доходить до школ и больниц, а не проваливаться в региональную "черную дыру". Иначе никакие иностранные денежные вливания не помогут ("как мертвому припарки").

Запредельная критическая ситуация на короткое время заставила правящую разнополярную элиту принять кооперативное совместное решение об удовлетворяющей всех фигуре нового премьер-министра Е.М. Примакова с включением в его кабинет известных деятелей КПРФ, ЛДПР и др., фактически на создание коалиционного правительства парламентского большинства.

В конце 1998 г. в сложных финансовых и политических условиях правительство Е.М. Примакова в проекте бюджета, новой налоговой системе, в пакете срочных антикризисных мер обозначило поворот к государственному регулированию экономики без отказа от основных целей рыночных реформ. Восстановление финансовой стабильности страны на уровне лета 1997 г., в оптимистическом прогнозе правительство относит к середине 2001 г.

Становится ясно, что для дальнейшего сохранения целостности страны и достижения необходимой для дальнейшего развития политической стабильности необходимо изменить механизм исполнения доходной и расходной частей бюджета. Финансирование расходов должно осуществляться независимо от поступления доходов, а в случае их недостаточности - за счет кредитов Центробанка или других приемлемых заимствований с последующим их погашением из поступающих доходов. Мы уже отмечали (Россия..., 1994, 1995), что защищенные таким образом государственные расходы должны направляться на удовлетворение национальных общественных нужд: безопасность государства и граждан, образование, здравоохранение, науку, культуру, охрану окружающей среды. Для целостности государства необходимы поддержка государственного транспорта, телекоммуникаций, энергетики и информационной инфраструктуры, отраслей, способствующих продовольственной независимости страны.

В мировой экономике уже несколько лет общим местом является то, что основные доходы государства складываются, в основном, из подоходного налога с платы за труд каждого работающего или с налога на другую его прибыль или прибыли предприятий, с процента на вложенный в банке или в дело капитал, арендной платы (ренты) за использование земель и природных ресурсов. Однако в России, кроме плохо собираемых с граждан налогов, у многих из которых давно нет никаких доходов, крайне неэффективно используется государственная собственность, природные и финансовые ресурсы. Особый упор должен быть сделан на создании механизмов увеличения в доходной части роли ренты с земли и природных ресурсов, традиционно слабой в российской экономике (Рянский, 1993).

События, произошедшие в экономике страны с 1994 по 1998 г., подтвердили макроэкономические прогнозы о том, что именно сочетания рентных налогов и при-

оритетно ориентированных государственных дотаций могут одновременно как остановить инфляцию и спад производства, так и решить проблему взаимных неплатежей. Для последующего устойчивого развития необходима поэтапная общенационально ориентированная эволюционная система приоритетов. Опыт прошедших лет показал, что необходимые для развития условия в России складываются не менее чем через два года после президентских выборов, т.е. после стабилизации пирамиды власти “федерация – регион – муниципалитет”. В стандартных условиях ближайшим таким годом является 2002-й.

Трехэтапная 12-летняя программа эволюционного перехода России к устойчивому развитию (цикл)

Россия – трудный выбор пути ... 1994, 1995. С. 47-49.	Духовное наследие ... 1995. С. 121-122.
Фазы создания условий для устойчивого развития страны.	Экономико-технологические проекты.
Первый этап (2003-2006 гг.)	
Общественное согласие.	Наращивание инвестиционных возможностей страны. а) рациональная экспортная политика ориентированная на развертывание крупномасштабного производства продукции первичной переработки топливно-энергетических и сырьевых ресурсов; б) импорт товаров массового потребления за счет экспорта вооружений; в) направление ресурсов в более эффективные производства.
Второй этап (2007-2010 гг.)	
Коллективная уверенность в положительных результатах реформ.	Переход производящих отраслей экономики на ресурсосберегающие технологии, поддержка падающего экспорта энергетических и сырьевых ресурсов.
Третий этап (2011-2014 гг.)	
Вхождение значительного числа хозяйственных субъектов каждого региона России в международные институты и в международный рынок.	Использование созданных инвестиционных возможностей для широкого тиражирования нововведений, вхождение России в группу технологически лидирующих стран.

В работах 1994, 1995гг.мы предлагали перевести реформы с “крутого виража” (в котором мы считали потенциально возможным неконтролируемый переход в “пике” и в “штопор”, что и произошло после 17 августа 1998 г.) в горизонтальный полет с небольшим подъемом к намеченному пункту. После первого этапа тотального разгосударствления и массовой приватизации и второго, “шоковой” финансовой стабилизации перейти на переходный цикл преимущественно институциональных, структурных преобразований в рамках трех автономных систем хозяйства и секторов экономики – государственного с административно-централизованным регулированием, частнопредпринимательского (рыночно-саморегулирующегося) и кооперативного сектора (с коллективно-долевой, акционерной собственностью).

Принципиальная особенность фаз и этапов в том, что они все от одного исходного рубежа, имея разный изначальный объем и скорость, идут одновременно на протяжении всего цикла, хотя могут иметь и возвратную динамику. Из этого следует, что длительность первого этапа – 3-4 года, второго – 7-8 лет, третьего – 10-12 лет. При этом этапы и фазы синергетичны, т.е. взаимно обуславливают друг друга.

Социально-инвестиционный цикл – не умоглядная плановая конструкция, а реально идущий регулярный процесс, хотя в настоящее время он протекает вяло, подспудно, асинхронно, локально и на низком научно-технологическом уровне. Выбор оптимальной траектории вхождения России в рынок в условиях нестационарных и стохастических социально-экономических процессов может быть осуществлен только перебором (статистическим поиском) вариантов стратегии, распределенных намеренно и формирующихся стихийно по разным субъектам и регионам. Этот процесс естественного стремления системы к равновесию уже начал проявляться. В ходе этой самоадаптации будет естественно проявляться неравномерное развитие регионов, однако оно будет постоянно стремиться к выравниванию взаимным самообучением и оптимизацией на основе оценок эффективности результатов каждого шага.

На основании вышеизложенного возможно создание к концу цикла независимой самодостаточной экономики в субъектах и регионах России на основе самофинансирования и самообеспечения, со средним уровнем доходов на одного работающего не менее 10-15 тысячи американских долларов в год (что примерно соответствует черте бедности в США).

И только после этого появится возможность поэтапного перехода к удовлетворению основных социальных потребностей граждан России на уровне близком к среднеевропейским нормам потребления “среднего класса”. Предугадывать продолжительность этого цикла нет смысла, да и вряд ли это сейчас возможно.

МИР. Прошло семь лет после распада СССР, а Россия так и не нашла пока своего места в мире. Никто – от Б.Н. Ельцина до любого рядового россиянина – не знает, кто наши союзники, а кто враги? В чем должна быть цель нашей государственной политики, где теперь проходят наши границы и какова судьба таких квазисоюзов как СНГ, Таможенного союза (“союз пяти” с 1998 г.), российско-белорусского союза? Кризис 17 августа 1998 г. поставил эти вопросы перед всеми новыми государствами, входящими в эти объединения.

Есть разные мнения, вот одно из них (М. Фейгин, 1998 г.): “Определить место России в этой новой мировой системе – дело долговременное, историческое... Отталкиваясь от всего вышеизложенного, можно сказать следующее: Таджикистан, Узбекистан, Туркмения принадлежат к исламскому миру и с каждым годом все более отдаляются от России. Наша задача – защищать там свои экономические и военно-стратегические интересы, а также организовать переезд остающихся там соотечественников на историческую родину. Киргизия и Казахстан не входят в мир ислама, хотя и киргизы, и казахи исповедуют ислам. Европеизация там пустила достаточно глубокие корни, а русскоязычное население составляет соответственно 40 и 55%. При умелой объединительной политике Россия может создать с этими государствами устойчивый союз конфедеративного типа. В этом случае возникнет буфер между бурлящим миром ислама и Россией, которая безусловно является страной европейского культурного ареала, хотя и очень самобытной. Мы – не мусульмане, не китайцы и не африканцы. Мы – наследники европейской византийской культуры, что бы ни говорили ретрограды и демагоги. И мы – граница Европы с исламским, китайским и японским мирами. Мы нужны друг другу - Россия Европе и Европа России”.

Здесь много вопросов, даже само византийское православие родилось и распространялось прежде всего на Ближнем Востоке и Малой Азии или Передней Азии, Северо-Восточной Африке и Юго-Восточной Европе (т.н. Афразии) и является, таким образом, в лучшем случае не европейской, а евроазиатской идеологией, в отличие от римского, западноевропей-

ского христианства. Выступая против жесткого обозначения новейшего периода или постмодерна (модерном или новым временем называют период двухтысячелетней истории человечества с рождения Христа до 2000 г.) как периода глобальных столкновений мировых цивилизаций или культур (по С. Хантингтону – западная, конфуцианская, японская, исламская, славяно-православная, латиноамериканская и африканская), мы рассматриваем эту концепцию как глубоко порочную и не отвечающую реалиям, скорее поверхностную. В сегодняшнем мире нет чистых культур, народов и цивилизаций. Время модерна перемешало народы, культуры и цивилизации, они в значительной степени гомогенизированы, взаимосвязаны и взаимозависимы. Столкновения идут и внутри единокультурных обществ, и на субрегиональном уровне, как болезни сепаратизма. Часто это столкновения сил, стремящихся к консервации прошлого (не всегда только плохого), и обновленческих, реформистских сил, иногда приносящих ущерб, перевешивающий выгоды модернизации. Устойчиво развивающиеся общества – это результат баланса этих извечных сторон, исторического “маятника”, умение разрешать такие споры через диалог, а не кровь и войну.

В своей интересной работе А. Неклесса (1998) отмечает новую архитектуру современного мира. Традиционный развитый Север обрел свой Новый Юг – находящийся в переходном состоянии конгломерат государств посткоммунистического сообщества с Россией во главе (Евразия). На развивающемся Юге появился свой Новый Север (или Новый Восток) – страны Восточной и Юго-Восточной Азии, ведомые Японией, до новейшего финансового кризиса конца 90-х строившие хозяйственную жизнь в рамках неоиндустриальной модели, ориентированной на массовое производство изделий (в том числе, наукоемких), и сочетавших торговый либерализм, промышленный неопroteкционизм и авторитарно-олигархические режимы. Другая часть традиционного Юга теперь представлена архипелагом территорий в состоянии коллапса – Глубокий Юг.

Можно предположить, что в ближайшие 50 лет или раньше, Атлантическое и Тихоокеанское сообщества соединятся Северной Америкой и Евразией в единый достаточно целеустремленный высокоразвитый и устойчивый мир, способный в том числе решать и наиболее острые проблемы Глубокого Юга.

В конце 80-х на вопрос, какая самая важная проблема встает перед американским бизнесом в предстоящие 90-е годы, вице-президент одной из крупнейших американских корпораций ответил: “Самая важная проблема – не технология или инвестиции, не экономическое регулирование или инфляция. Самая важная проблема – как мы прореагируем на следующий факт: японские методы управления лучше, чем наши”.

Однако не только организационный успех, но и революция в электронике в 80-е годы стала первой научно-технической революцией, которая зародилась не в Европе, а в бассейне Тихого океана. В середине 80-х годов доля Японии в мировом валовом продукте, во внешней торговле важнейших государств мира и на мировом рынке долгосрочных кредитов обеспечила этой стране такое влияние, которое стало сопоставимо с влиянием США, СССР и Европейского экономического сообщества. К тому же необходимо отметить, что прямые японские инвестиции в американскую экономику достигли к тому времени 27 млрд. ам. долларов. Сто тысяч американцев трудились в 1997 г. на 500 японских предприятиях, созданных в США. Еще 300 тыс. были заняты на заводах и фабриках, выполняющих их заказы. 500 тыс. американских служащих работали в банках, торговых фирмах и других финансовых организациях, принадлежащих японцам. В 13 за-

падноевропейских странах действовало 250 японских предприятий, которые выпускали автомобили и зажигалки, строительное оборудование и шариковые ручки, станки и детские игрушки.

Превращение Японии к началу 1986 г. в мирового экономического гиганта, равного США, СССР или ЕЭС, становится событием исторического размера. До XVIII века средоточием мировой экономической, политической и военной активности было Средиземное море, от Великого Рима и Византии до Испании. Затем центр мировой экономики перемещается в Атлантический океан, мировым лидером становится сначала Великобритания, а затем США. Но со второй половины XX века фокус мировой активности перемещается из Атлантики в Тихий океан и его сердцем становится Япония с более, чем стомиллионным монорасовым населением и с экономикой, которая между энергетическими кризисами 1973 и 1986 гг. развивалась успешнее, чем экономика любой другой экономически развитой державы мира.

Лишь в 1986 г., впервые за 11 лет, объем японского промышленного производства упал за год на 0,4%. Однако все 80-е годы инфляция в Японии увеличивалась вдвое медленнее, чем в Западной Европе, процент безработных был втрое меньше, чем в Соединенных Штатах. Именно поэтому в начале 80-х годов страны Юго-восточной Азии меняют ориентиры с моделей западного экономического развития на японскую, считая что Запад утратил динамизм и обрел все признаки экономического застоя. В 80-е годы японские капиталовложения в странах АСЕАН приближаются к 14 млрд. ам. долларов, что усиливает влияние Японии в АТР в ущерб США.

К середине 80-х в США и в Европе сознают противоречивость ситуации, при которой Япония, глубоко интегрированная во всем мире, все так же, как и прежде плохо понятна и достаточно закрыта. С позиций западных ценностей и менталитета было трудно совместить, с одной стороны, Японию как культурное целое с ее созерцательным мировоззрением, эстетическим отношением к действительности, коллективизмом в человеческих отношениях и тесными связями человека с природой, край прекрасных храмов и ухоженных садов и другую Японию, страну жестокой, безжалостной конкуренции, внушительной тяжелой промышленности, технического прогресса, растущей численности промышленных роботов, городов-гигантов и других последствий мощного роста экономики.

Цивилизация движется соревнованием, соперничеством идеолого-культурных, научно-технических и финансово-экономических достижений крупнейших стран или групп стран. Расцвет Японии в 70-80-е годы – результат творческого усвоения ею итогов соревнования двух полярных социально-политических систем во главе с СССР или США. После распада СССР и соцсистемы в 90-е годы единственной реальностью становится финансово-экономическое состязание США и Европы (“атлантическое сообщество”) с одной стороны, и Японии с ЮВА и Китаем, с другой, закончившееся в конце 90-х годов временным поражением “тихоокеанского” сообщества.

Успешная американско-европейская боевая операция “Буря в пустыне” в 1990 г. убрала с нефтяного рынка Ирак и на время перекрыла “нефтяной кран” с Персидского залива, что не замедлило сказаться на увеличении мировых цен на нефть и улучшении экономической ситуации в странах, имеющих и другие источники нефтедобычи в Латинской Америке, Африке, Европе.

Если в январе 1987 г. ухудшение ситуации в мировой экономике объяснялось трудностями в США, накопившимися за прошедший экономический цикл, падением в них темпов хозяйственного роста, дефицитом федерального бюджета и платежного баланса, то

в критической мировой ситуации 1997 и последующих годов, завершающих экономический цикл, начавшийся в 1986 г., это место “детонатора” заняла Япония, главный финансовый кредитор “Тихоокеанского сообщества”. В отличие от адресных инвестиций в реальный сектор экономики, капитальные ресурсы в денежном выражении в условиях авторитарно-олигархических режимов легко криминализируются, что и показал опыт Филиппин, Индонезии, России и др. Неизбежный отток кредитных капиталов с развивающихся рынков в Юго-Восточной Азии и России сразу выявил реальное бедственное положение с заимствованиями, которые большей частью через систему финансовых пирамид, в условиях глобализации финансовой системы, ставшей виртуальной, ушли на личные счета в швейцарские и другие банки вместо реального сектора. Финансовый “виртуальный пузырь” лопнул, обнажив все сложности и проблемы складывающейся заново глобальной экономической системы.

Если исходить из логики, подсказываемой геоэкономикой, которая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) играет роль не меньшую, чем геополитика, а иногда и определяет последнюю, то советско-японские торгово-экономические отношения к началу 80-х годов должны были достичь весьма внушительных масштабов. Однако советско-коммунистическая дальневосточная стратегия очень долго подчинялась только идеологии и геополитике, основанной на “образе врага”. В результате руководство СССР упустило момент, когда можно было установить и надежно закрепить прочные и взаимовыгодные торгово-экономические связи с Японией.

В конце 80-х Япония далеко уходит вперед в области экономического и научно-технического развития и, как считали тогда некоторые японские деятели, Россия уже не представляла особого интереса в качестве партнера. Чтобы наверстать упущенное, теперь усилия должны прилагаться на разных уровнях как государственной политики и финансово-экономических связей, так и народной дипломатии, установлением деловых и культурных контактов предприятий, общественных организаций и отдельных граждан.

Азиатско-Тихоокеанский регион – не одна Япония, это полмира. В новых отношениях ДВР с макрорегионом очень важны и “новые индустриальные страны” Восточной и Юго-Восточной Азии – Южная Корея, Тайвань, Гонконг (особый экономический регион Китая – Сянган), Сингапур, Малайзия, Таиланд и, конечно, успешно развивающийся Китай. Чтобы начать, наконец, эффективное экономическое и научно-техническое сотрудничество с Японией, необходимо, как условие, высокий уровень отношений с этими странами, что само по себе может быть благотворным для экономического роста Дальнего Востока России.

При этом надо быть очень осторожным с использованием восточно-азиатских моделей развития. Часть из них – мифы, рожденные из под пера российских, западных или даже японских авторов, а часть применима только в данных странах. Но знать эти методы хозяйствования нужно, чтобы “с их помощью думать”, по словам Владимира Цветова, блистательного международного юриста-япониста. На наш взгляд, главный урок японской разновидности рыночной экономики это то, что подлинное трудолюбие возможно, если работа является содержательной, творческой, и если результатами труда пользуются сами трудящиеся.

В своем выступлении на конференции “Китай и мир в XXI веке” в Пекине в декабре 1994 г. профессор Р.А. Скалапино, президент Общества Азии предположил, что на будущие десятилетия главным устремлением человечества станет поиск новых общечеловеческих ценностей. Говоря о прошедшем десятилетии, он отметил повсеместный упадок идеологии, место которой

заняли прагматизм и политика, ориентированная на конкретный результат, привязанный к материальным завоеваниям. Командное положение в обществе заняла экономика. Такую идеологию специалисты назвали “экономизмом”.

Однако за пределами экономических достижений в то же десятилетие в политику возвратилась религия, обозначилось стремление многих к выражению своих этнических и национальных чувств. Предполагается, что эти стремления многих к единению в однородных общностях, основанных на единстве культуры, обеспечении взаимной безопасности и др., является ответом на попытку создать либеральные системы, основанные на индивидуальной свободе каждого достичь собственного материального благополучия. “Никогда нельзя забывать одну главную истину. Развитие, в особенности быстрое развитие влечет за собой дестабилизацию. Следовательно, борьба между дестабилизирующими силами развития и связывающими силами будет выступать как большая драма будущего века. Другая драма, относящаяся больше к политической сфере, будет разыгрываться в плоскости постоянно меняющихся отношений между локализмом, национализмом, регионализмом и интернационализмом” (Р.А. Скалапино, 1995).

Говоря о будущем, Скалапино утверждает о необходимости перераспределения власти на уровне государства, с одной стороны, от центра к местам, а с другой, от государства – стоящим выше региональным и всемирным организациям, роль которых в XXI веке будет существенно повышаться как в экономической, так и в области политической и безопасности.

Уже на границе 1994-1995 гг. существовали “естественные экономические территории” (Natural Economic Territories – NET), пересекающие политические границы по всей Азии, способствуя перемещению ресурсов, рабочей силы, капиталов и технологий. Уже тогда среди других NET Восточной и Юго-Восточной Азии просматривалась NET прибрежных территорий (краев, областей, провинций и т.д.) Японского моря, включая дельту реки Туманган (Гумэньцзян), имеющая прямое отношение к перспективам юга Дальнего Востока России (Сахалин, Курилы, Приморье и Приамурье, возможно Забайкалье).

Многие предвидения Р. Скалапино реализовались в последующие годы. Так, был образован Североазиатский форум (Northeast Asian Forum), в котором вместе с азиатскими государствами объединились США и Канада, а в 1998 г. и Россия. Эта многосторонняя структура безопасности в Северной Азии и Севере Тихоокеанского бассейна предполагает обсудить и принять соглашения о прозрачности военных бюджетов и военных учений, об ограничениях на передачу оружия и, в будущем, об ограниченной зоне, свободной от ядерного оружия. Однако и сейчас на пороге XXI века сохраняются потенциальные разногласия в этой части мира. Это проблемы разьединенного Корейского полуострова, спор между Россией и Японией по Южным Курилам, отношения Китай-Тайвань. С оформлением границы между Россией и Китаем в 1998 г. возможно закрытие вопроса о принадлежности Сибири, Дальнего Востока и Монголии, которые еще 10 лет назад в Китае называли неотъемлемыми частями Великого Китая. Имея ввиду военные силы, в северной части Тихоокеанского бассейна США, Китай, Япония и Россия уравнивают друг друга. Причем для будущей безопасности невыгодно как доминирование одной из них, так и ослабление.

РЕГИОНЫ РОССИИ. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. Известная формула, что большие войны идут за передел ресурсов и рынков сбыта, имеет свои исторические особенности. Если первая и вторая мировые войны соответствуют порядку этой схемы: первое – ресурсы, второе – рынки сбыта, то третья мировая война, перманент-

тно тлеющая локальными горячими точками с 70-х годов, в основном идет за рынки сбыта и за стабильно высокие цены на них за те же ресурсы.

При этом потребное количество ресурсов испытывает тенденцию к снижению. Цена конечного продукта все больше складывается из стоимости информации и знаний и все меньше - ресурсов и энергии. С точки зрения всей человеческой цивилизации в целом, а экологии в частности, это великое и ожидаемое благо, но и оно, благо для всех, оборачивается издержками, а на уровне личностей трагедиями. В этой новой ситуации прибыли основных ресурсодобывающих мировых "монстров" (алмазных, нефтегазовых и др.) либо стабильны, либо даже увеличиваются.

Нет проблемы у того, кто хочет купить, голова болит у того, кто хочет продать. Рынок сбыта поделен, цены установлены и контролируются. Скажем сегодня на рынке нефти нет места для Ирака, а на рынке газа - для Туркмении, и это понимают все, кто следил за событиями января-февраля, а теперь и декабря 1998 г. в Персидском заливе. Значит ли это, что богатые запасы руды, углеводородов и т. д. Дальнего Востока России никому и никогда не нужны? Нет, они будут нужны, но через 100 лет. Тогда до них дойдет очередь и у России, и у Японии, и у США.

На поиски и разведку этих полезных ископаемых нужны триллионы долларов или рублей и трудоспособное население, хотя бы около сорока, а не семи миллионов человек. В программе "Дальний Восток и Забайкалье" предполагалось увеличить тогдашние во семь миллионов до тридцати восьми за счет демобилизованных, условно заключенных ("химиков"), иностранных рабочих (китайцев, корейцев, вьетнамцев) и т. д. Также планировалась и миграция из Средней Азии и других трудноизбыточных советских республик. По крайней мере две такие возможности остались - китайская рабочая сила и русскоязычные вынужденные переселенцы (мигранты, беженцы) из стран СНГ. Но это особый разговор.

Россия уже приросла Сибири, а Дальним Востоком - еще нет. И надо приложить очень много усилий, таланта, организованности, капитала и времени, чтобы это произошло. Это задача XXI века. Штучный набор кадров для ДВР необходим только на узловые места в экономике, а в качестве собственной российской рабочей силы, альтернативной неизбежной китайской, корейской или вьетнамской, необходим осмысленный ориентированный коллективно-территориальный набор. Минимальный размер коллектива - большая семья, от бабушки с дедушкой до внуков и внучек. Придется гарантировать будущим дальневосточникам-переселенцам высокий уровень комфорта, высокие технологии, высокие стандарты образования, культуры и науки. Зимой - отдых с детьми в ЮВА, а для работающих и пенсионеров - ежегодно курорт на юге ДВР.

Надо договориться с соседями по АТР на Севере Тихоокеанского бассейна о режиме облегченного въезда-выезда для частных лиц - дальневосточников. Достаточно специальной отметки об этом в паспорте и тогда - только режим регистрации и гарантии собственной оплаты пребывания в странах и последующего выезда. Подобный эксперимент, поставленный на Южных Курилах, представляется эффективным. Нет денег у центра на развитие Дальнего Востока, так дадим свободу перемещений людей и товаров. Есть смысл просчитать, глядя на пример отношений Мексики с США, насколько полезно и возможно было бы введение режима свободной торговли с США и Канадой, распространенной только на тихоокеанские территории последних и дальневосточные - России. А новые идеи, которые обязательно появятся на Дальнем Востоке, обогатят всю Россию.

Готового к продаже "серьезного" товара на Дальнем Востоке России нет. Требуется вложить долгосрочные инвестиции в поиски, разведку ряда потенциально ценных полезных ископаемых, включая нефть и газ, в ряд перспективных предприятий в условиях переполненного мирового рынка, испытывающего трудности сбыта, рынка без сантиментов, готового "перегрызть горло" за стабильно высокие цены. Это исключительно национальная, внутренняя проблема, момент долгосрочного (на 100 лет вперед) прогнозирования и программирования. И это не удел руководителей, которым отпущено на инициативу от нескольких месяцев до двух лет, максимум. Однако в конце 1998 г., в момент, когда пишется эти строки, ситуация становится на грань, после которой региональная катастрофа будет неизбежной, вопросом времени, большего или меньшего. Хотелось бы, чтобы это осознали прежде всего живущие на Дальнем Востоке России.

Единый в прошлом, рынок России сейчас неуклонно оформляется как ряд нескольких региональных, субрегиональных и локальных рынков со своими наборами ресурсов, грузо- и энергопотоков, человеческим, трудовым потенциалом, со своими зарубежными партнерами и инвесторами. И это рынки все больше замыкаются внутри себя.

Европейский рынок, включающий в себя также Тюменский Север, Кавказ, Прикаспийскую Центральную Азию, замыкается на Европу. Формируется южное направление через Черное море, Турцию и Болгарию. Здесь вековые запасы нефти и газа, плодородные земли, металлы, развитая инфраструктура, продвинутые рыночные реформы и 90% российского капитала. Новое формирующееся звено - инвестиции в автомобильную промышленность. Большой договор с Украиной и все выгоды от союза с Белоруссией опять здесь же. Европейская Россия - это основной научный и вполне самодостаточный человеческий потенциал.

Сибирский рынок - газ Кувукты, алюминий и мощная избыточная энергетика на Енисее, научный и человеческий потенциал начал замыкаться на Китай и, частично, Европу. Решение вопросов по границе с Китаем, изменение в выгодную сторону тарифов на железнодорожные перевозки через Северо-Восточный и Северный Китай - и все грузопотоки, минуя дальневосточное звено Транссиба, пойдут через Китай к восточным и южным его портам. А далее в Японию, Южную Корею, Тайвань, Юго-Восточную Азию, на юг Тихого океана. Это стабильно работающий транспорт, порядок на дорогах, локальные рынки по пути следования.

Мы уже упоминали, что рыночная система не сентиментальна, она не может жить воспоминаниями о бывшей единой империи, финансовые и материальные потоки пойдут туда, где меньше затраты, где больше стабильность и, как следствие, прибыль. Складывающиеся новые региональные рынки, транспортные и производственные замкнутые инфраструктуры, новые круговороты ресурсов, товаров и людей имеют тенденцию к устойчивому развитию в XXI веке.

А что остается Дальнему Востоку России? Каковы его реалии на пороге нового века? Приходится говорить об отсутствии сформированного дальневосточного рынка. Его ресурсы крайне недостаточно исследованы, требуются поиск и разведка на огромных территориях. Отсутствует корректная геоинформационная база данных международного уровня о регионе в целом. На многих территориях неясной остается проблема собственности на ресурсы или на крупные предприятия. Собственность рассредоточена между властными структурами разного уровня, трудовыми коллективами, дирекцией, отдельными маломощными частными собственниками и т. д. Ниже критического, несамодостаточен массив трудоспособного населения наукоемкого уровня и управленцев соответствующего масштаба,

слабая научная и образовательная база.

Негативным для Дальнего Востока России является и тот факт, что сибирский рынок обладает тем же набором ресурсов (кроме лососевых, крабов и морепродуктов), но практически подготовленных к выходу на международный рынок, на стадии завершения раздела собственности в пользу мощных национальных, международных или смешанных собственников.

Фактически ДВР является территорией пионерного освоения и наши многочисленные контакты с возможными инвесторами из США, Канады, Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Швейцарии, Франции и др. показали единодушное отсутствие желания вкладывать инвестиции в поиски, разведку и другие начальные этапы изысканий. Перечисленные страны обеспечены сырьевыми контрактами на многие десятилетия (скажем, контракт на поставку уранового сырья в Японию из Австралии заключен на 90 лет и т.д.). Некоторые инвесторы из США, Южной Кореи, Сингапура предполагали поставлять добываемое в ДВР сырье в далекие третьи страны, вплоть до Африки, рассматривая этот бизнес не из отсутствующих потребностей своих стран, а как возможность более выгодного вложения капитала. В некоторых случаях инвестиционный капитал носил сомнительный характер с признаками отмывания.

В нынешнем дальневосточном секторе Транссиба, хорошо, надежно работающем, с законченным вторым железнодорожным мостом через Амур, с параллельно идущей законченной федеральной автомагистралью Чита-Хабаровск-Владивосток, заинтересованы северная часть Японии (о. Хоккайдо) и обе Кореи, возможно, Тайвань. Определенный интерес высказывался и крупными портами Тихоокеанского побережья США - Сизтл, Сан-Франциско, Сан-Диего.

Мешает отсутствие на этой сложной и далекой от Москвы, огромной малонаселенной территории единого управления. Небольшие финансовые и материальные ресурсы, поступающие из центра, распыляются по областям и краям на сиюминутные цели. Резко ухудшает ситуацию нерыночное, патерналистское, замкнутое на государство, мышление большинства дальневосточников, долгие годы бывших "государевыми". Каждая минута сидения на путях Транссиба трудящихся оборонных и других предприятий, лишенных зарплат, окончательно делает этот путь бесперспективным для любых перевозок. И наносит прежде всего удар по будущему людей, живущих в этом крае.

Но одним из самых главных факторов является неясность геополитического положения ДВР на перспективу - наличие мощного китайского фактора, отпугивающего долгосрочные инвестиции из Северной Америки, Японии и Европы. Чьи мы будем через 20, 50, 100 лет?

Рассмотрим прогнозы нескольких вариантов развития, каждый из которых может состояться на этапе нынешней предкризисной неопределенности (пучок возможных равнонеопределенных событий из точки бифуркации).

Время освоения территории Дальнего Востока и Северо-Востока Россией вполне сопоставимо с периодом освоения европейцами территории США и Канады. Результат далеко не в пользу России. В настоящее время никто не оспаривает российскую принадлежность всей территории Дальнего Востока (исключая 4 южных курильских острова и нескольких островов на Амуре). Таким образом главным "игроком" на этом "поле" является Россия. А что значит "принадлежность России", "российские долгосрочные интересы"? Россия, это кто? - чиновники в Правительстве, в президентском окружении, депутаты Федерального собрания и Госдумы в частности, или ... Но ведь это все люди временные, пришел-ушел, пришли-ушли ... А может быть это большие деловые люди в центре, с банками, офиса-

ми, компьютерами, связями на Западе, сотнями сотрудников? На Западе очень крупные компании имеют долгосрочные интересы, они могут принадлежать одной семье лет сто и работают в ней люди многие десятилетия. Наши новые богатые (нувориши) только входят во вкус, лет через 50-100 и они, или их дети и внуки будут мыслить на 25-50 лет вперед, но сейчас - вряд ли. Деньги у них хотя и большие, но "короткие", "молодые", им нужна выгода сразу, быстро.

Есть ли интересы у США и у ее компаний здесь, на Дальнем Востоке? Убежден, что есть, и деловые, и особенно, геополитические. События февраля-марта, а теперь и декабря 1998 г. в Персидском заливе показали, что попытки США единоличного решения глобальных задач, в конечном счете влияющих на долговременную ситуацию и со стратегическими ресурсами и важнейшими рынками, столкнулись с коллективной волей влиятельных стран (Россия, Франция, Китай) и всем мировым сообществом. Сложная стратегическая позиция, складывающаяся после ближневосточного кризиса, заставляет США обратить внимание на соседний к ним Дальний Восток России.

Первое, Дальний Восток России, в случае создания надлежащей инфраструктуры - надежный и короткий сухопутный мост от Северной Америки к крупнейшим рынкам мира - к Восточной и Юго-Восточной Азии. Во вторую очередь, это и богатейший источник ресурсов под боком у США. Однако и первое и, особенно, второе имеет смысл в случае долговременной собственности на территорию и ресурсы.

Один из сенаторов США в американских СМИ предложил купить у России за баснословную сумму в триллионы долларов Дальний Восток с рассрочкой на 20 лет. Он призывал американцев подтянуть пояса, урезать расходную часть бюджета с несомненной выгодой для всех в будущем, за пределами 20 лет. Купить то можно, но кто продаст? Только политический самобийца: лучше стоять насмерть, как на Курилах, до последнего южнокурильчанина. В нашем случае до последнего российского дальневосточника. Благо их уже не так много осталось. А лучше потихонечку, по кусочку, распродать. Конечно это будет дешевле, но и безопаснее для того, кто продает. Местная и региональная элита, от руководителей областей и краев, ведомств, предприятий, городов и поселков, насчитывают, вероятно, около 50-60 тысяч человек. К каждому в отдельности можно найти подход, а они то и определяют или выражают мнение большинства. На Дальнем Востоке, как и везде в России, достаточно амбициозных и волевых деятелей, со сформированной региональной харизмой. Варианты здесь есть.

Наиболее серьезным на Дальнем Востоке является Китай - эта мировая держава с наиболее устойчиво развивающейся экономикой вполне заинтересована в освоении ресурсов Дальнего Востока России с помощью китайской избыточной рабочей силы. Насколько нам известно, Китай имеет и инвестиционные ресурсы, однако их использование в ДВР требует многолетних (50-99 лет) обязательств российской стороны с передачей на это время прав собственности на определенные территории и ресурсы. Уже сейчас готовы решения по облегченному взаимному въезду-выезду. Китайская рабочая сила до первых сотен тысяч человек присутствует на территории Дальнего Востока России. Однако осуществление крупных региональных совместных проектов потребует миллионов китайских работников разной квалификации и на многолетней основе. Китайские инженеры, техники, менеджеры, высококвалифицированные рабочие смогут на длительный срок компактно въезжать на территорию ДВР с семьями, будут обзаводиться семьями с россиянками, открывать школы, клубы, представительства и другие социальные объекты. Это нормальная мировая

практика. В результате через два-три десятка лет сложится ситуация, подобная с русскими в Прибалтике, курдам и туркам в Германии и т.д., когда новое иноязычное население потребует законных избирательных, представительских и других прав. И с помощью мирового сообщества получит их. Это реальность, которую нужно предвидеть заранее.

Япония одна из важных стран, имеющая региональные интересы на Дальнем Востоке России. События в Персидском заливе в январе - марте 1998 г. поставили серьезный вопрос о стабильности поставок нефтепродуктов в Японию. Появилась необходимость обезопасить себя в этом стратегическом вопросе, диверсифицировать ресурсную сторону внешнеэкономической деятельности, прежде всего поставки нефти и газа в Японию. И сразу изменился вектор политической активности Японии в сторону России и ее дальневосточных территорий. Но вкладывать деньги в инфраструктуру, в первичные этапы изысканий в ДВР Японии, по нашему мнению, не будет. Как нам представляется, она готова идти на Дальний Восток России тандемом с Китаем, учитывая их налаженные связи. Китай даст свои трудовые ресурсы и инвестиции на первичные исследования, на создание инфраструктуры, а Япония заплатит высокую цену за готовые конечные продукты.

Конечно, есть взаимные опасения между Китаем и Японией по поводу возможного усиления одной из стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такие же опасения есть и у США по отношению к Китаю. В США в каждом крупном городе есть свои чайна-тауны и появление у берегов Берингова пролива мощного динамичного китайского соседа - это серьезная угроза для США и не только в регионе, но и в мире. Эти региональные геополитические разногласия также надо учитывать в прогнозах и решениях.

Есть еще один субъект интересов на Дальнем Востоке России, это его население. Их деды и прадеды, их отцы или они сами приехали когда-то сюда, не сразу, с трудностями, адаптировались и к необычной природе, и к оторванности от остальной России, и к реалиям социальной жизни. Та советская "...Жила бы страна родная, и нету иных забот..." очень неточна. У каждого взрослого человека есть заботы о семье, о детях, о внуках, о тех, кто еще не родился, и память о тех родных, кто уже умер на этой земле. И я, и ты, и он обязаны помнить о всех живших, живущих и еще не родившихся. Это наш человеческий крест.

Кроме России, как центра несущего историческую ответственность за всю территорию и за каждого россиянина в отдельности, США, Китая и Японии, имеющих свои интересы на Дальнем Востоке России, дальневосточное население также должно осознать свое право и обязанность участвовать в судьбе этой части России и мира.

Приемлемая модель возможной российской истории Дальнего Востока, учитывающая отсутствие средств у центра не только на ее развитие, но и на сносную стагнацию, выглядит на наш взгляд следующим образом.

Эта непохожая на всю остальную Россию, малонаселенная, не очень развитая и оторванная от нее дальневосточная половина (40% территории) требует неординарной структурной (административной, управленческой) организации. Подобный опыт есть у ряда стран, например, Канады, или у стран, имеющих далеко, иногда в другой части света, национальные территории. Здесь необходимо прямое президентское управление через назначенного генерал-губернатора. Эта необычная ситуация может быть принята, если сохранить в прежнем виде края и области со всеми атрибутами выборной власти и правом управлять областным бюджетом. Однако федеральные средства, как текущие, так

и по целевой программе "Дальний Восток и Забайкалье" будут сосредоточены в структуре управления генерал-губернатора. В него войдут "мозговой" центр в лице нынешней межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия "Дальний Восток и Забайкалье", филиалы федеральных министерств и другие федеральные единицы. Генерал-губернатор будет командующим всех силовых федеральных компонентов на Дальнем Востоке России. Получат двойное, президентское и генерал-губернаторское подчинение представители президента России в краях и областях.

Чтобы максимально безболезненно провести этот сложный организационный комплекс мероприятий, необходимо учесть исторические прецеденты, использовать историческую память дальневосточников. Исторической и естественной столицей генерал-губернаторства может стать Хабаровск. Первым генерал-губернатором на Дальнем Востоке России должен быть один из известных и авторитетных губернаторов, имеющий в том числе опыт гибкого взаимодействия с центром, с президентом в интересах и своей территории, и России. Такой интегрированный центр на Дальнем Востоке России позволит создать серию единых оптовых рынков - электроэнергетики, драгоценных металлов, продовольствия и др., создать единую транспортно-снабженческую систему, в целом, мощную объединенную финансовую систему с единым дальневосточным депозитарием (В.А. Корчмит, 1997). То есть в рамках Дальневосточного региона России будет создано единое экономическое пространство, как основа для формирования дальневосточного рынка в системе рынков северного сектора АТР.

Имея такую жесткую общероссийскую структуру на Дальнем Востоке, можно пойти на долгосрочные инвестиционные проекты по созданию общерегиональной (имея в виду всю северную часть Тихого океана) инфраструктуры, поисков нефти и газа и других стратегических ресурсов на континентальной части ДВР с передачей отдельных ее частей в аренду на очень большие сроки - 50-99 лет. При этом не давая преимуществ одной из сторон - США, Китая и Японии, новым российским транснациональным корпорациям, постоянно помня об интересах российской общности живущих на Дальнем Востоке людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. "Духовное наследие", государственно-патриотическое объединение //Материалы. - Рау - Корпорация, инф.-изд. агент. "Обозреватель". - М., 1995. - С. 116-117.
2. Корчмит В.А. Пришло время объединиться /Восток России. -Хабаровск, 1997. -№ 1. - С. 40.
3. Неклесса А. Конец цивилизации, или Зигзаг истории /Знамя. -№ 1, 1998. - С. 165-179.
4. Россия - трудный выбор пути. Контурные идеологии российского политического центра /Ф.Н. Рянский, В.А. Ахмадулин, Л.Г. Решке, В.В. Юшманов. - Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 1994. - 52 с.
5. Россия - трудный выбор пути /Под ред. Ф.Н. Рянского, Биробиджан, 1995. - 130 с. (Региональные проблемы. Сер. научн. тр. Вып. 8).
6. Рянский Ф.Н. Эколого-экономическое районирование в регионе. -Владивосток: Дальнаука, 1993. - 154 с.
7. Скалапино, Роберт А. Впереди - вызовы грядущего / "Проблемы Дальнего Востока". -1995. -№ 3. - С. 38-43.
8. Фейгин М. Чужая война /Новый мир. - 1998. -№ 3. - С. 142.